

Что-то в последнее время зачастую они, памятные даты моих старших друзей-поэтов. Совсем недавно, 2 мая 2016 года, отметили мы 90-летие со дня рождения Егора Исаева, и вот уже рядом, 2 декабря — 85-летие Геннадия Луткова. И опять не обойтись без «протокольного» уточнения — «со дня рождения». казалось бы, в самой этой формулировке ничего печального нет, но почему же так горько сжимается сердце?

Все просто: безобидное это уточнение означает, что человека, юбилей которого мы отмечаем, уже нет в живых. И рядом с его именем всегда теперь будут стоять эти строгие слова: печаль и память. Но печаль, мы знаем, может быть и светлой. О горьком, трагическом в жизни Геннадия Луткова сказано уже немало, в том числе и автором этих строк. Но были в жизни поэта и другие годы — распахнутые, солнечные, согретые теплом и надеждой. Это время — условно говоря, между неволей и наветом — и есть растянувшееся почти на два десятилетия (середина шестидесятых — середина восьмидесятых) жизненное и творческое лето Геннадия Луткова. Он пишет жадно, в охотку, много публикуется не только в Воронеже, но и в Москве. Не все из написанного выдержало проверку временем, но есть строки, с которыми жалко (да и не нужно) расставаться. Это и исполненное благодарной памяти, уже вошедшее в антологии стихотворение «Село, освобождавшее Европу», и негромкие «изначальные» стихи — те, в которых рядом с поэтом живут, согревая его своим дыханием, река и лес, пойма и поле, стезжка и облака.

Забор зеленый камыша,
Желтеет дно речушки мелкой.
Родное меряет душа
Лишь ей одной известной меркой.

«Измерить» мерку, с которой приходит в мир душа поэта, в земном бытовании не дано никому; но мы можем прикоснуться к тому, чего она касалась:

Кузнечик давнее пиликает,
Без всякой скрипки на плече,
И золоченые пылинки
Толкутся в солнечном луче.

Геннадий Лутков

Просто? Да, просто. Но это как раз та простота, о которой другой поэт — большой, поистине народный — сказал: «Вот стихи, а все понятно, / все на русском языке». Эти «золоченые пылинки» — вроде и не метафора вовсе, но ведь явно что-то большее, чем просто деталь, подробность безмятежного летнего дня... Может быть, это жизни наши, надежды наши; что́ они, если не пылинки, пред ясным горним светом?

Подумаешь так — и уже совсем по-другому всматриваешься, вслушиваешься в то, что живет, проступает там, за этими безыскусными строками. И, думая о своем, почему-то веришь поэту, когда он говорит:

Все еще дышит: и травы, и пни,
Свет заливает лужайки по-летнему.
Осени первые звонкие дни,
Первые ясные. И не последние.

Пусть они останутся с нами именно такими, дни поэзии Геннадия Луткова, — звонкими, ясными. И — наперекор угрюмому календарю — не последними.

Александр НЕСТРУГИН

СЕЛО, ОСВОБОЖДАВШЕЕ ЕВРОПУ

За триста лет перевидав всего,
Приветом-лаской многих полонило.
И пехом на войну ушло село,
То бишь его мужская половина.
Позвало сердце и военкомат,
Тут не было нисколько разногласий.
Село — в одно лицо на первый взгляд,
А в нем-то — Сеней, Ваней, Петей, Васей...
Сплелось все — деды, внуки, свекры, зяти,
И кровь, и на седьмой воде кисель.
Они и Будапешт, и Вену взяли,
И меньшего калибра сотен семь.
И, не робеющие под огнем,
Потом дворцы разглядывали робко.
Оно не уцелело в основном —
Село, освобождавшее Европу.
Качалось на плоту и на возу,
На минном поле стежку выбирало,
Пилоткой и ушанкой вытирало
Соленый пот, соленую слезу.
И, наступая недругу на пятки,
Лафет разбитый прекращало в стол.
Оно рвало гармони в сорок пятом
И ело лебеду в сорок шестом.
И оказалось — все ему с руки
И на своей земле, и там, за Вислою.
И невернувшиеся мужики
На памятнике золотом записаны.

И сеет хлеб оно, и хлеб жует.
И к хлебу есть, есть прибавленье к роду.
Все, кажется, о нем. Оно живет —
Село, освобождавшее Европу.

* * *

Ночь дышит близко, у лица,
Теплом и тьмой, росой и шорохом.
И кажется, ей нет конца.
И я весь век под черным пологом.
Вот так и буду на траве
Лежать, считая в небе звезды.
В какой — забуду — стороне
Вдыхаю этот колкий воздух.
Не валят грохот поезда
Вниз под песчаные откосы.
Молчат луга. Молчит вода.
Молчат деревни и погосты.
Но что-то тоненько звенит
Здесь, рядом, и в сокрытых долах.
И так загадочен зенит
В сплошных серебряных проколах...
И дней моих отсчет лишь начат,
И нет обид, и горя нет.
И в светлячках, насквозь прозрачных,
Пульсирует зеленый свет.

* * *

Кузнечик давнее пиликает,
Без всякой скрипки на плече,
И золоченые пылинки
Толкутся в солнечном луче.
От сосен желтая заимка,
Квартальный столб травой зарос,
И тишина висит, как дымка,
Над следом зубчатых колес.
Здесь гром железный так не нужен,
Здесь тени листьев так легки.
И бабочки слетелись к луже,
Раскатывая хоботки.

* * *

Опушка — как обрыв. Прохлада позади.
И солнца жар в лицо, и поле бесконечное.
И светится трава, и на твоей груди
Ее метелок пыль искрится, словно млечная.

Кузнечика поймай, в ладонь мордашкой ткни:
— А ну-ка, дегтю дай! — И даст. Большую каплю.
Что ж, в мире есть добро. Добра бессчетны дни —
И в Синих Липягах, и где-нибудь на Капри.
И сколько здесь и там хороших есть примет,
И радость, как всегда, есть продолжение боли.
И не было и нет твоих полсотни лет,
Все впереди светло, все далеко, как в поле.

* * *

Еще не всю листву осыпал лес,
Прострелен дымными лучами, дремлет.
А с высоты немислимой небес
Уж падает курлыканье на землю.
Все правильно... Но сердце зацемент
Древнейшей грустью, той, что поселилась
В нас тыщу лет назад — и длилась, длилась,
И ей исчезновенье не грозит.
Есть что-то человеческое в том
Прощанье, в стоне над родимым краем,
Как будто это мы свой отчий дом,
Мы, а не птицы, с болью покидаем.
Мы понимаем грусть их непомерную.
Уходит клин за алый окоем.
И взглядом проводив его, наверно,
Мы родину в себе осознаем.

* * *

Поезд давно уж прошел. Стрекоза
Греется, не опасаясь, на рельсе.
Стала прозрачной берез полоса,
Клен у развилки тропы разгорелся.

Все еще дышит: и травы, и пни,
Свет заливает лужайки по-летнему.
Осени первые звонкие дни,
Первые ясные. И не последние.